

*НОВЫЙ
Журнал*

115

*THE NEW
REVIEW*

THE
NEW REVIEW
Новый Журнал

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карнович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

Тридцать третий год издания

Редактор: РОМАН ГУЛЬ
Секретарь Редакции: ЗОЯ ЮРЬЕВА

NEW REVIEW, June 1974
Quarterly No. 115
2700 Broadway, New York, N.Y. 10025
Subscription Price \$15. — for one year
Publisher: New Review Inc.
Second Class Mail postage paid
at New York N.Y.

ВОСПОМИНАНИЯ О А. М. РЕМИЗОВЕ

ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Большая темносиняя книга: *Сказки Народов Русского Севера*. Я открыла её сейчас впервые после многих лет. Сколько часов мы провели над нею с Алексеем Михайловичем! Нахожу надпись: 27/4 1952 г. с росчерком. На страницах книги подчеркнутые фразы и слова, понравившиеся А. М. выражения, много отметок. В книге сохранилась даже промокашка с дырочкой, прожженной папиросой, с отпечатками слов, написанных рукой А. М. и моей: живая память о работе 1952 года. Ремизов любил русский север, часть его ссылки прошла на севере России, в молодости он записывал и обрабатывал то, что ему удалось услышать из северного фольклора.

Книга сказок уводила еще глубже на север, в стихию «одинокой земли» и «одинокой воды» среди льдов и долгой зимней ночи. Люди живут затерянными кучками; кругом — враждебная им, грозная природа. У людей и зверей один и тот же язык, те же стремления. Надо как-то прожить, избежать подстерегающей их на каждом шагу опасности, с трудом, а чаще хитростью, добыть пищу: рыбу, мясо, жир. Они проходят перед нами: ворон, орел, волк, медведь, лиса, зайцы, нерпа (тюлень), налим и олени — пестрые, белые и черные. В сказках отражена космогония народов севера: яркие звезды, солнце и месяц, они входят в жизнь людей наряду со злыми духами и духами покровителями и великанами. Шаман обладает большой силой, он сносится с духами и даже может повелевать ветрам.

В 1952 году А. М. еще мог читать, и читал сам, делая отметки или слушал мое чтение. — Подчеркните: «нерпа, владычица моря», «воровка звезда...». Мне запомнился грустный тон сказки о лисичке, с ее плачем-припевом:

Ой жалко.

Кисо!

По льду бегать охота,

Хвост прямо держать,
Кисо!

Эта, не совсем понятная песенка, очень нравилась Алексею Михайловичу и он сочинил к ней мелодию и напевал, подчеркивая ритм и притоптывая ногой на цыганский лад: Кисо, ой жалко!...

В то время вышла в серии «Оплешник» вторая книга легенд — зеленая Мелюзина (Алексей Михайлович всегда сам выбирал цвет обложки). На подаренном мне экземпляре А. М. нарисовал лисицу и ряд женщин, на коленях черпающих воду — «чужой земли женщины воду из горных рек черпают», «ой и жалко! Кисо!».

В это лето А. М. много работал над своими произведениями, темы которых его так сильно захватывали: Савва Грудцын и Гоголь. Он был в особенном творческом подъеме и охотно читал парижским друзьям вновь написанное. Запомнилось чтение Саввы Грудцына, слушали В. Н. Емельянов, И. Чапский, Андреевы, мой муж и я. Было теплое лето; если приходило несколько человек, кто-нибудь спускался и покупал мороженое, «у Монжеляра», непременно сливочное. Встречая и провожая меня по длинному корридору, А. М. напевал Есенинское «до свиданья, друг мой, до свиданья...» или лисичкино причитание.

В жизни А. М. этот период отмечен сближением с французскими писателями. Ремизова было принято считать самым непереводимым русским писателем, да и сам он так думал. Если творчество Ремизова рассматривать исключительно с точки зрения словесной, то, без сомнения, это так. Однако, в произведениях Ремизова существуют другие элементы, поддающиеся переводу. Мысль его всегда оригинальна, развитие темы и конструкция произведения очень своеобразно построены и высказаны поэтическими образами, ритм фразы всегда неожиданен и соответствует мысли автора. Переводчики не напрасно трудились, с большей или меньшей удачей: в переведенных текстах в какой-то мере передавалось искусство русского писателя и выступала его оригинальнейшая личность.

В начале жизни Ремизовых в Париже, в двадцатых годах, Лев Шестов познакомил А. М. с французскими писателями. И католики (Жак Маритэн) и сюрреалисты (Андрэ Бретон) оценили глубокую оригинальность Ремизова и его вещи стали появляться в передовых французских изданиях. Имя Ремизова тогда стало известно французской литературной элите, главным обра-

зом как автора легенд, написанных очень своеобразным стилем. Впоследствии, в 30-х годах редакция журнала *Нувель Ревю Франсэз*, сыгравшего такую значительную роль во французской литературе, заинтересовалась Ремизовым, несколько его рассказов появились в книжках ежемесечника.

В конце 30-х годов Алексей Михайлович писал одно из самых значительных своих произведений, автобиографическую книгу «Подстриженными глазами», главы этой книги в виде отдельных рассказов стали периодически появляться в русской газете «Последние Новости». Редакция журнала Н. Р. Ф. знала об этом произведении и была им заинтересована. В 1936 г. в Н. Р. Ф. появилось несколько отрывков из рассказов Ремизова. В годы войны А. М. сохранил связь с редакцией и, несмотря на болезнь его жены Серафимы Павловны и почти непреодолимую трудность сообщений, он иногда все-таки добирался до улицы Себастьян Боттэн. Ремизова знали в редакции *Нувель Ревю Франсэз* и ценили, но ему иногда приходилось подолгу ждать приема. Ему покровительствовал редактор, писатель Дриё ля Рошелль, сложный и изломанный человек. Душевная опустошенность и разочарование во Франции — по его мнению, Франция, после войны 1914 года, находилась в состоянии полного упадка — толкнули его на «сотрудничество» с немцами в 1940 г. В конце войны он застрелился.

После окончания войны А. М. возобновил отношения с редакцией уже теперь *Нувель Ревю Франсэз*, во главе которой стояли Жан Полян и Марсель Арлян, они любили Ремизова и были готовы напечатать «*Подстриженными глазами*».

А. М. с молодости знал французский язык, когда-то в ссылке переводил Бодлэра. Бодлэровское стихотворение «Непоправимое» глубоко волновало Ремизова, и тема непоправимого в жизни стала одной из его постоянных тем. Живя в Париже он был знаком с новейшими течениями в искусстве и мысли Франции. Ему приходилось встречаться с французами — писателями, переводчиками. Иногда летом Ремизовы уезжали в Бретань и жили там во французской семье. Несмотря на это, при встрече с французами, А. М. всегда терялся, как будто бы его застали врасплох, начинал искать нужные выражения, или случайно зацепившись за какое нибудь слово, говорил шуточные вещи, не относившиеся к делу. Французы улыбались, их привлекал «шарм» русского писателя; его улыбка, тонкая артистическая восприимчивость

и талантливость во всем, но настоящего разговора не выходило. К тому же, у Алексея Михайловича была укоренившаяся привычка подчеркивать свое положение чужого, иностранца, не признанного и нигде не печатаемого писателя. После свидания с Ремизовым, у растроганных французов являлось горячее желание помочь этому необыкновенному человеку — поэту, как они говорили, и непременно что-нибудь для него сделать. Потом, в суете жизни, при вечной загруженности редакций, дело откладывалось, желание остывало и всё забывалось. Оставалось чувство неловкости от несдержанного обещания. А. М. говорил с Поляном о своей книге *«Подстриженными глазами»* и Полян заинтересовался ею. Перевод был сделан, но не удовлетворил требовательного редактора. Полян занялся сам правкой рукописи. Я думаю, что вообще перевод поправить нельзя. Когда внутренним слухом переводчик вслушивается в оригинал, перевод выливается непосредственно в главной своей линии и в своем ритме; потом наступает работа над словами и фразами, часто долгая и упорная. Хотя Полян и привлек к работе над ремизовским текстом известных литераторов, несмотря на их высокую квалификацию, текст вышел вялый, в нем не звучал голос Ремизова. Алексею Михайловичу все же было обещано, что книга будет напечатана. Но, по обычаю Галлимарского издательства, рукопись куда-то глубоко запрятали, и о ней уже больше не говорили.

Зимой 1953 года А. М. поручил мне пойти в редакцию Н.Р.Ф., справиться о судьбе рукописи. С своей стороны я хотела постараться оживить отношения А. М. с французскими писателями. По известным дням, оба редактора — Жан Полян и Марсель Арлян принимали посетителей в общем кабинете. Они оба — люди совершенно исключительной культуры — знали А. М. лично и высоко ценили его искусство. Жана Поляна сближала с Ремизовым страсть к слову. Его книга *«Цветы Тарба»* посвящена языку и проблемам современной литературы.

В этом оригинальном человеке сочеталась исключительная острота и углубленность восприятия искусства — литературы и живописи — большая жизненная мудрость и одновременно шаловливое желание удивлять и сбивать людей с толку. В высказываемых им суждениях, часто парадоксальных, поражала способность видеть предмет с разных сторон. Полян считался большим авторитетом в литературных оценках. По отношению к людям он был известен своими каверзными шутками. Он за-

бавлялся тем, что вдруг создавал славу какому-нибудь начинающему писателю, превозносил его, говоря о нем, как о значительном явлении в литературе, а затем, переставал обращать на него внимание и даже упоминать о нем. При своей большой эрудиции, Полян знал и русскую литературу и мог говорить о ней.

Сговорившись по телефону, я стала готовиться к свиданию с Поляном. Я прочла его книгу *«Цветы Тарба»*. Помнила напутствие Алексея Михайловича: говорить о деле, кратко и сжато, стараясь всё время удерживать внимание Поляна и главное, быстро отойти от него, прежде, чем его интерес ослабеет и он отвернется. Я очень волновалась, когда в первый раз шла «на Олимп» — свидание было назначено в редакции журнала, в знаменитом особняке Галлимара. «Вы подумайте, сколько людей, и какие писатели тут сидели...», говорил А. М., знакомый с обстановкой. Я поднялась по лестнице на полтора этажа старого особняка. И вот я попала в святилище. В кабинете редакции бросались в глаза два очень высоких окна, к которым прямо подступали деревья сада. За одним из письменных столов сидел Марсель Арлян, которого я знала, за другим выделялась крупная фигура Поляна. В комнате раздавался шум голосов и толпилось много народу, разговаривали стоя.

Подождав когда Полян кончит разговор с очередным посетителем, я подошла и назвала себя. К моему счастью, Полян не указал мне на стул, против своего места, а встал и подошел к небольшому дивану у двери, заваленному пальто и плащами — был дождливый парижский день. Полян отодвинул одежду, предложил мне место и сел рядом со мной. Я передала поручение, а затем, стала говорить о Ремизове, о его любви к языку, о его умении обращаться со словом. Я говорила о богатстве его тем, о проникновении мысли Ремизова, о его анализе не знающем запрета, идущем до конца, наперекор установленным канонам. Я говорила об Алексее Михайловиче, как об очень большом и оригинальном писателе и человеке. Полян слушал меня, ему было известно о словесном даре Ремизова. Я почувствовала, что разговор завязался и мне стало легко говорить о мире, созданном Ремизовым. Я рассказала о том, как Алексей Михайлович живет, пишет и рисует. Я заговорила о творчестве самого Поляна, на основании того, что прочла и сказанного мне А. М. Тут, я вспомнила предостережение А. М. и быстро встала, прежде чем

тема разговора была исчерпана. Мы обменялись несколькими словами о рисунках и я стала прощаться. Это было вроде игры, и я поняла, что выиграла. Полян обещал заняться рукописью *Подстриженными глазами* и лично посетить Ремизова.

Он сдержал слово и вскоре пришел вместе с Доминик Ори, секретаршей редакции, на рю Буало. В «кукушкиной» они долго рассматривали украшенные разноцветными конструкциями стены, альбомы рисунков к Гоголю и Тристану, книги, изданные в «Опleshнике», познакомились с Фойерменнхеном и Эспри. Эспри — любопытной формы веточка найденная в угольном ящике в Берлине, с привязанной к ней шишкой. Она висела на стене, на золотом фоне. А. М. рассказал историю Эспри в книге *«По карнизам»*. Перед приходом гостей, я как могла, убрала и вычистила комнаты. Мы пили чай в «кукушкиной». Полян обращался с Ремизовым с бережной нежностью. Прощаясь, он предложил нам поехать с ним на литературную Гарден-парти к Барбаре Чёрч, в ее имение в Вилль д'Аврэ.

В книге *Мышкина Дудочка*, в главе *Гиппотамы* А. М. вспоминает свою поездку с Серафимой Павловной в Вилль д'Аврэ накануне войны. Тогда еще был жив хозяин, поэт Генри Чёрч. В 30-х годах он создал и стоял во главе передового, роскошно издаваемого литературного журнала *Мезюр*, выходившего под редакцией Чёрча, Гротгейзена, Унгаретти, Анри Мишо и Жана Поляна. В нем появлялись тексты передовых писателей разных стран, в том числе и Ремизова.

В назначенный день, Полян и Доминик Ори заехали за Алексеем Михайловичем и за мной на рю Буало. Как перед всяким выходом из дому или поездкой «куда-то», А. М. волновался; я старалась ободрить его и получше приодеть. Одежда была старая, но всё было прилично, галстук завязан. Обычно, в последний момент А. М. скреплялся духом, как для прыжка в воду, и бодрым легким шагом сходил с лестницы. Так было и на этот раз.

Мне запомнился этот яркий июньский день среди зеленых подстриженных лужаек, ярких цветов и огромных деревьев. А. М. почти никогда не выходил «на волю», но любил деревья, листья и цветы. Очутиться вдруг в этом роскошном саду было чудесно. Мне было приятно видеть, как французские писатели окружили А. М. — одни уже знали его, другие подходили познакомиться. Среди знакомых были Анри Мишо, Андрэ Бретон, Марсель

Жуандо, Жюль Сюпервиелль. Некоторые задавали вопросы, поэтесса Эдит Буассонас заговорила о правде в легендах — мысль высказанная Ремизовым о том, что в легендах иногда мы находим больше человеческой правды нежели в исторических изысканиях. Я убедилась в том, что то немногое, что эти французы прочли из произведений Ремизова, запомнилось им и навело на мысли и вопросы.

Сначала был коктейль. В большом светлом холле небольшого дома, построенного Ле Корбюзье стояли столы с закуской, пирожными и конфетами. Домашние служащие разливали напитки. Гости разговаривали стоя. А. М. посадили на стул с высокой спинкой; своей непривычной наружностью, фигурой и лицом он напоминал азиатского божка, улыбающегося и мудрого. Гости наклонялись, разговаривая с ним, хозяйка обращалась к нему с особенным ласковым радушием. После коктейля все пошло гулять в парк, осматривали оранжереи с редкими растениями. К вечеру, на тех же столах был сервирован холодный ужин. В те годы, во Франции еще чувствовались последствия войны, был недостаток во всем, и гости были рады обильному и тонкому угощению. На десерт была подана клубника из собственного сада, мороженое и шампанское.

А. М. улыбался, его радовало общее внимание, и Барбара Чёрч, и служащие ее дома были особенно заботливы по отношению к удивительному русскому писателю. Нам подарили большой букет роз. Вечер кончился в парке, мы любовались фейерверками. Гости стали разъезжаться. Полян попросил нас остаться немножко дольше и мы уехали после других. Было уже совсем поздно, когда нас отвезли на рю Буало. Я быстро помогла А. М. лечь спать и вернулась домой. На следующий день я поехала к А. М. убедиться, что он здоров, не простудился и не слишком устал. Он был оживленный и весело рассказывал о подробностях поездки, ужине, фейерверках, о встрече с писателями.

Вскоре, у Галлимара нашлась рукопись *«Подстриженными глазами»*. На этот раз её взял в свои руки Марсель Арлян. Марсель Арлян любил произведения Ремизова и его самого. Арлян прекрасный стилист, его рассказы отличаются большой углубленностью и тонкостью описаний. В 1947 году в газете *Комба* появилась его статья *«Птица Ремиз»* посвященная Ремизову. Позже, он написал предисловие к французскому переводу *«Подстриженными глазами»* (Изд. Галлимар 1958), и некролог в

журнале Н.Р.Ф. В его книге «Je vous écris», есть «письмо» посвященное Ремизову. Также как Поляна, его не удовлетворил перевод книги Ремизова и он предложил мне его пересмотреть и исправить.

В то время, я начала переводить на французский язык многие произведения Ремизова, и они стали появляться в печати. Я сделала перевод из «видений» Ремизова о Гоголе (*Огонь вещей*). Ремизов видит себя в церкви в тот час, когда обезумевший от страха философ Хома Брут читает над панночкой. Успех перевода этого, совсем исключительного по силе и поэзии, отрывка — ободрил меня. Он был напечатан в журнале *Ля Паризиени*. В ответ на предложение М. Арляна пересмотреть готовый перевод «*Подстриженными глазами*» я сказала, что предлагаю перевести книгу заново, так как, по моему поправить перевод невозможно. Я уезжала на остров Олерон, и там, под шум океана, перевела первую, вступительную главу: «*Узлы и закруты*». Сознавая ответственность, я с беспокойством отсылала перевод, но он понравился Арляну и он сразу сдал его в печать. Когда я вернулась в Париж, «*Узлы и Закруты*» уже появились в августовской книжке Н.Р.Ф.

После появления «*Узлов и закрут*» среди писателей о Ремизове заговорили и интерес к нему проснулся. Если Ремизова знали прежде, то как автора сказок и легенд, знатока русского фольклора, теперь же открылась другая, более глубокая сторона его творчества. Когда я по приезде, пришла на рю Буало, я застала Алексея Михайловича в приподнятом настроении, обрадованного успехом. Со всех сторон ему говорили, что его текст, появившийся в Н.Р.Ф. произвел большое впечатление. К Алексею Михайловичу заходили писатели (Марсель Брион) и поэты (Франсис Понж) захваченные его произведением. В редакцию Н.Р.Ф. стали приходиться письма от читателей, явление во Франции непривычное. Пришло письмо из Греции от писательницы Лилики Накос: голос русского писателя глубоко тронул и взволновал ее.

Я начала работу над переводом *Подстриженных глаз*, по мере окончания глав, относила их в редакцию Н.Р.Ф. — Марселю Арляну. Он прочитывал их и наиболее подходящее помещал в журнале. Кроме этой главной работы, я всё время переводила небольшие отрывки произведений Ремизова для различных журналов и литературных газет. Их охотно принимали и печатали.

Я сама выбирала тексты, стараясь выявить наиболее близкую мне, и менее известную сторону творчества Ремизова: вечные вопросы и темы человечества. Я забыла о непереводаемости Ремизова, поняв, что вовсе не следует пытаться найти эквивалент сложным словесным выражениям и мудрёным ремизовским словам. Вдумавшись в мысль, я старалась передать ее как можно точнее и проще, и как можно ярче самой увидеть созданный автором образ. Я — русская, и ритм моей фразы русский. Ритм русского подлинника невольно звучал в моей передаче и слова сами приходили на ум. До тех пор, главное усилие переводчиков Ремизова было направлено на «французский лад» переведенного текста и на перевод необычных слов чисто французскими выражениями, иногда даже почерпнутыми из «арго», чего конечно в переводе не следует делать. Если нет эквивалента для трудного и редкого слова, лучше его заменить самым простым, близким по смыслу словом, иногда двумя словами. Точный пересказ мысли автора часто передает и строй фразы и даже её. На приеме у Барбары Чёрч в Вилль д'Аврэ, ко мне подошел поэт Анри Мишо: «Скажите, над вашими переводами вы работаете одна, или в сотрудничестве с кем-нибудь из французов? Впрочем, не знаю, зачем я это спрашиваю, конечно, вы работаете одна, ведь ритм вашей фразы так близко следует за мыслью...» и Мишо начертил рукой узор в воздухе. Речь шла об отрывке Ремизова, посвященном Шаляпину, о специфически-русском музыкальном выражении: знаменный распев, песнь ямщиков, цыганское пенье и хоровое «Эх, не одна во поле дороженька...», пенье Шаляпина. «В его голосе мне было больше моего, он пел о всем человеке. Слова колдуют, как песня. Но чтобы околдовать душу — чтобы бросить пламя слова, надо голос со всей напоенностью и переливом звуков: музыка! музыка, это поддонное дыханье, тоньше слова и нежнее мысли. Никогда еще не было и не запомнят, и только в сказках очарований, такое яркое воплощение: слово и музыка, магия слов — я назову это единственное имя: *ШАЛЯПИН*». (Неизданная книга — *Петербургский буерак*).

В те годы, я много думала об искусстве перевода и прислушивалась к высказываниям разных авторов по этому вопросу. Поль Валери в предисловии к переводу *Виргилия* пишет, что

слишком точный перевод иногда является худшей изменой автору. Дальше, он говорит о том, что чем неразрывнее поэт связан со своей поэтической стихией, тем менее он поддается переводу. Последнюю мысль можно отнести к Пушкину. Пушкина не только невозможно перевести, но даже дать о нем понятие на иностранном языке.

В статье посвященной переводу Шекспира Борис Пастернак советует переводить просто и, главное, языком свойственным самому переводчику, не задаваясь целью искать какой-нибудь другой «язык». Еще до выхода «Доктора Живаго», два французских журналиста (русские по происхождению) посетили Бориса Леонидовича Пастернака. Они были в восторге от поэта: прощаясь, они спросили его о том, что доставило бы ему удовольствие. По его просьбе, его гости выслали ему «В поисках потерянного времени» Пруста и подписали его на журнал *Н.Р.Ф.* Таким образом, Б. Л. прочел мой перевод глав из «Подстриженными глазами». Вот, что он написал мне о моем переводе и о переводе вообще:

«10-VI-1958. Только что получил Вашего Ремизова от Галлимара и предвкушаю удовольствие погрузиться в чтение Вашей чудесной французской прозы, дорогая Наталья Викторовна! Но, конечно, это Ремизов в том сопряженном с жертвами увековечивающего отбора, который может представлять хороший талантливый перевод, когда жизнь и действительность, с которыми переключалась, перемигивалась и пересмеивалась душа оригинала, перестала существовать, забыта и половина игры, которую переливался и блистал подлинник, утрачена и отказывается служить, но должна выступить другая сторона произведения, более глубокая и основная, открывающая собою испытание его долговечности. Я заглянул в книгу едва вскрыл бандероль. Некоторые главы я читал раньше в Нувель Ревю Франсез, я поперелистывал сборник, пробежал глазами предисловие. Прекрасная внешность, теплые тона печати, каждая страница отмечена свидетельством Вашего совершенства, все живет и дышит. Передайте Галлимару мою благодарность и скажите там, что когда выйдет мой доктор — пусть направят таким же образом через Союз Советских Писателей, надеюсь до тех пор меня еще не успеют исключить из него, но мне передадут и в случае исключения. Я вам ответил однажды длинным письмом, которое наверно погублено было приложенной автобиографией, и не доплыв до вас,

пошло ко дну под тяжестью лишнего груза. Я часто много и мучительно болезненно, но без опасности для жизни, хворал последнее время, половину которого провел в больницах. Сейчас мне все благоприятствует, я дома, множество народу от Вас и Зап. Герм. со мною в переписке. Доктор на сто голов выше меня и моего времени. Я не понимаю как это меня угораздило. Но этого больше не будет. Такие вещи не повторяются.

Несколько лет спустя, я работала над переводом рассказов Зощенко для сборника «Юмор всего мира» под редакцией известного юмориста Пьера Данинос. Он показал мне изданный Галлимаром сборник рассказов Зощенко. Переводчик, знаток парижского арго, широко ввел его в перевод. Данинос резко отверг этот перевод. Редкий знаток нескольких языков, он рекомендовал придерживаться простых слов и простого языка для перевода самых тонких и еле-уловимых оттенков оригинала.

Очевидно, по отношению к прозе Ремизова мой подход к переводу оправдал себя. Поэт и критик Филипп Жакоттэ написал, что прочитанные им тексты в моем переводе помогли ему открыть ремизовский мир. В *Газетт дэ Лозанн* (октябрь 1955 г.) появилась большая статья Жакоттэ «Страж отверженных», посвященная Ремизову. В ней есть фраза о том, что можно построить целую метафизику на маленьком рассказе из повседневной жизни Ремизова. Рассказы о которых отзывается Жакоттэ, принадлежат к «реальному миру» по теме идущие по линии Достоевского, как например *Бурков дом* (*Крестовые сестры*).

Меня очень радовали критические статьи, посвященные Ремизову и его успех. На коктейле Галлимара, Альбер Камю сказал мне, что его глубоко заинтересовали отрывки, прочитанные в журнале *Н.Р.Ф.* (из *Подстр. гл.*) Качество перевода ему тоже понравилось, и он лично помог мне устроить перевод Розанова у того же Галлимара. С этим переводом Розанова у меня связано самое радостное событие в моей жизни переводчика: неожиданный одобрительный отклик — письмо от Стравинского.

Алексею Михайловичу было дорого признание во Франции — стране где он жил и работал, культуру которой он любил — и, тем самым, принятие в европейскую литературу: журнал *Н.Р.Ф.* читался во всем мире.

Со своей стороны, зарубежная русская критика в это время несколько изменила свое отношение к Ремизову. Возможно, что его позднейшие произведения лучше доходили до читателей,

может быть также, что появление имени Ремизова во французской литературной прессе сыграло свою роль, но в последний период жизни А. М. его вновь написанные, или даже прежние произведения стали регулярно печататься на почетном месте русских зарубежных журналов и газет: *Русская Мысль*, *Возрождение*, *Н. Р. Слово*, *Новый Журнал*, *Опыты*, *Посев*, *Дело* (С-Франциско). Критики посвящали Ремизову обстоятельные статьи.

В последний год жизни Алексея Михайловича, в 1956 году, ученые Пушкинского Дома в Ленинграде вспомнили о нем и прислали ему почетное приглашение на чествование памяти «протопопа всея Руси». Для А. М. это было большим и радостным переживанием. С гордостью он показывал пригласительный билет. Последовала переписка с сотрудниками Пушкинского Дома (В. Малышев) и с учеными (Н. Гудзий), продолжавшаяся до самой смерти. Ремизову стали посылать издания и книги по Русской Древней Литературе. Он понимал, что это позднее признание — чисто символическое, но он ценил его и радовался ему.

Н. Резникова